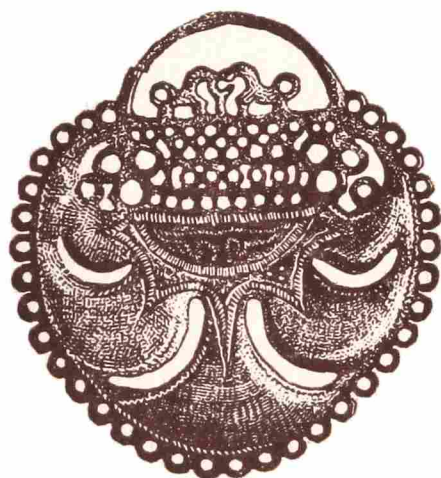

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

1

1976

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НАУКА»
МОСКВА

СОВЕТСКАЯ № 1
АРХЕОЛОГИЯ 1976

Журнал основан в 1957 году

Выходит четыре раза в год

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. В. Арциховский (главный редактор),
О. П. Бадер, С. П. Бибилов, В. Д. Блаватский,
Ю. Н. Захарук (зам. главного редактора), *И. С. Каменецкий,*
М. К. Каргер, В. М. Массон, Р. М. Мунчаев, Б. Б. Пиотровский,
С. А. Плетнева, Б. А. Рыбаков, В. С. Титов (отв. секретарь)

СОДЕРЖАНИЕ

К XXV съезду Коммунистической партии Советского Союза	5
В. П. Алексеев (Москва). Западный очаг расообразования и расселение палеолитических людей на территории СССР	9
Г. Н. Лисицына, В. П. Костюченко (Москва). Почва как источник информации при изучении древнего земледелия (по материалам работ в аридных районах СССР в 1969—1973 гг.)	23
В. И. Сарнианиди (Москва). Печати-амулеты мургабского стиля	42
А. Л. Никитин (Москва). Эпоха бронзы на Плесеевом озере	69
Г. Е. Арешян (Ереван). Железо в культуре древней Передней Азии и бассейна Эгейского моря (по данным письменных источников)	87
Е. И. Захариева (София). Дендрохронологическое исследование кургана Аржан	100
Е. А. Попова (Москва). Об истоках традиции и эволюции форм скифской скульптуры	108
Б. А. Раев (Ленинград). К хронологии римского импорта в сарматских курганах Нижнего Дона	123
А. В. Куза, А. А. Медынцева (Москва). Запись Николы из Новгородского Софийского собора	135
М. А. Ильин (Москва). О первоначальном виде Собора Соловецкого монастыря 1558—1566 годов	146

Публикации

В. Т. Петрин (Свердловск). Новые данные о писаницах с берегов озера Большие Аллаки	153
А. Т. Сивюк, В. В. Килейников (Воронеж). Курган у села Введенки на Дону	159
В. Я. Кияшко, В. А. Коренько (Ростов-на-Дону). Погребение раннего железного века у г. Константиновска-на-Дону	170
Играр Алиев, В. Г. Алиев (Баку). О сармато-аланских памятниках на территории Нахичеванской АССР	178

Ш. Р. Пидаев (Ленинград). Некоторые данные о раскопках кушанского поселения Ак-курган в Северной Бактриане	187
В. А. Падин (Брянская обл.). Кветунский древнерусский могильник . . .	197
Е. А. Рябинин (Ленинград). Археологические памятники Вотской земли	211
И. И. Власов (Владимир). Живопись 1233 года в диаконнике Рождественского собора Суздаля и ее реконструкция	220
Б. И. Маршак (Ленинград). Материалы по среднеазиатской торевтике . . .	227
В. Л. Воронина, Н. Н. Негматов (Душанбе). Рельефные головки из дворца афшинов Уструшаны (Шахристан)	241
Н. М. Булатов (Москва). О трех гончарных печах Селитренного городища	247

Заметки

Б. Д. Михайлов (Мелитополь). Ямное погребение с полисуаром на Мелитопольщине	255
С. Л. Дударев (Грозный). Раскопки могильника у сел. Ахкинчу-Барзой (Чечено-Ингушетия)	257
Е. Н. Симонова (Будапешт). Новый могильник позднеаварского времени в области Шомодь	261
В. С. Флеров (Ростов-на-Дону). Четырехлистник в орнаментации салтово-маяцкой керамики	267
Г. К. Вагнер (Москва). Об открытии резных надписей среди фасадной скульптуры Дмитриевского собора во Владимире	270

Критика и библиография

В. П. Даркевич, Ю. А. Краснов, М. Ф. Косарев, А. И. Мелюкова, М. Г. Мошкова, Д. Б. Шелов (Москва). А. И. Мартынов. Археология СССР. М., 1973	273
В. В. Седов (Москва). Latvijas PSR arheologija. Riga, 1974	281
В. Б. Виноградов, Х. М. Мамаев (Грозный). «Материалы по археологии Дагестана», том III. Махачкала, 1973, 133 стр. с илл.	283
И. К. Фортунатов (Московская обл.). С. А. Семенов. Происхождение земледелия. Л., 1974	288
Д. Я. Телегин (Киев). І. К. Свешніков. Історія населення Предкарпаття. Поділля і Волині в кінці III-на початку II тис. до н. е. Київ, 1974	293
А. Д. Прякин, Б. Г. Тихонов (Воронеж, Москва). Д. А. Крайнов. Древняя история Волго-Окского междуречья. Фатьяновская культура. М., 1972	295
Б. А. Раев (Ленинград). Сб. «Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени», МИА, 153, М., 1972	299
И. Г. Хынку (Кишинев). P. Diaconu, D. Vîlceanu. Păciul lui Soare — cetatea bizantină. București, 1972	302
Л. С. Клейн (Ленинград). Археология и претория в системе И. Рауза	306
Л. А. Иванова (Москва). G. Acsádi and J. Nemeskéri. History of Human Life Span and Mortality. Budapest, 1970	315

Хроника

В. Х. Тменов, О. В. Череповская (Орджоникидзе). IV Крупновские чтения	320
<u>Камилла Васильевна Тревер</u>	326

*Revue
trimestrielle
fondée
en 1957*

ARCHEOLOGIE № 1

SOVIETIQUE 1976

Rédacteur en chef A. V. ARTSIKHOVSKI

SOMMAIRE

Pour le XXVe Congrès du Parti communiste de l'Union Soviétique	5
V. P. Alexéiev (Moscou). Le foyer occidental de formation ethnique et de dispersion des hommes du Paléolithique sur le territoire de l'U.R.S.S.	9
G. N. Lissitsyna et V. P. Kostiouchenko (Moscou). Le sol, source d'informations pour l'étude des anciennes agricultures (d'après les investigations effectuées dans les régions arides de l'U.R.S.S. de 1969 à 1973)	23
V. I. Sarianidi (Moscou). Cachets-amulettes de style mourgabien	42
A. L. Nikitine (Moscou). L'époque du bronze sur le lac Pléchtchéiévo	69
G. E. Aréchian (Erivan). Le fer dans la culture de l'antique Asie Antérieure et du bassin de la mer Egée (d'après les sources écrites)	87
E. I. Zakhariéva (Sofia). Etude dendrochronologique du kourgane Arjan	100
E. A. Popova (Moscou). Les sources des traditions et de l'évolution des formes de la sculpture scythe	108
B. A. Raïev (Léninegrad). La chronologie des objets d'importation romaine trouvés dans les kourganes sarmates du Don inférieur	123
A. V. Kouza et A. A. Médyntseva (Moscou). L'inscription de Nikola dans la cathédrale Sainte-Sophie à Novgorod	135
M. A. Iline (Moscou). L'aspect originel de la cathédrale du monastère de Solovki (1558—1566)	146

Publications

V. T. Pétrine (Sverdlovsk). Nouvelles données sur les dessins rupestres des rives du lac Bolchié Allaki	153
A. T. Siniouk et V. V. Kiléïnikov (Voronej). Le kourgane du village de Vvedenki sur le Don	159
V. Ia. Kiachko et V. A. Koréniako (Rostov-sur-le-Don). Une sépulture de l'Age du Fer près de la ville de Konstantinovsk sur le Don	170
Igrar Aliev et V. G. Aliev (Bakou). Les monuments sarmate-alains sur le territoire du Nakhitchévan	178
Gh. R. Pidaïev (Léninegrad). Quelques données sur les fouilles de <u>settlement</u> kouchanienne faite a Ak-kourgane dans la Bactriane du Nord	187
V. A. Padine (région de Briansk). Les vieilles sépultures russes de Kvétoune	197
E. A. Riabinine (Léninegrad). Les monuments archéologiques sur la terre de Vode	211
I. I. Vlassov (Vladimir). Des fresques de 1233 dans le diaconique de la cathédrale de la Nativité de la Vierge à Souzdal, et leur restitution	220
B. I. Marchak (Léninegrad). Nouvelles informations sur la toreutique de l'Asie Centrale	227
V. L. Voronina et N. N. Negmatov (Douchanbé). Petites têtes en relief du palais des afchines d'Oustrouchana (Chakhristan)	241
N. M. Boulatov (Moscou). Trois fours de potier dans le goroditché de Sélitrennoye	247

Notices

B. D. Mikhaïlov (Méлитopol). Une inhumation en fosse avec un polissoir, à Méлитopol	255
S. L. Doudarev (Grozny). Les fouilles d'une sépulture à Akhkintchou-Barzoi (Tchéchéno-Ingouchétié)	257
E. N. Simonova (Budapest). Une nouvelle sépulture de la fin de l'époque avaré, dans la région de Somogy	261
V. S. Flérov (Rostov-sur-le-Don). Le motif quadrifolié dans la décoration de la céramique Saltovo-Maïaki	267
G. K. Wagner (Moscou). Découverte de d'inscriptions gravées parmi les sculptures de la façade de la cathédrale Saint-Dmitri à Vladimir	270

Critique et bibliographie

V. P. Darkévitch, You. A. Krasnov, M. F. Kossarev, A. I. Mélioukova, M. G. Mochkova, D. B. Chélov (Moscou). A. I. Martynov. «Archéologie de l'URSS», Moscou, 1973	273
V. V. Siédov (Moscou). Latvijas PSR archeologija, Riga, 1974	281
V. B. Vinogradov et H. M. Mamaïev (Grozny). «Matériaux sur l'archéologie du Daghestan», t. III. Makhatchkala, 1973, 133 p. avec ill.	283
I. K. Fortounatov (région de Moscou). S. A. Sémionov. L'origine de l'agriculture. Léninegrad, 1974	288
D. Ia. Télégouine (Kiev). I. K. Svechnikov. Histoire de la population des piedmonts des Carpates de la Podolite et de la Volhynie, à la fin du III ^e et au début du II ^e millénaire av. n. ère. Kiev, 1974	293
A. D. Priakhine et B. G. Tikhonov (Voronej, Moscou). D. A. Kraïnov. Histoire ancienne de la région comprise entre la Volga et l'Oka. La culture de Fatianovo. Moscou, 1972	295
B. A. Raïev (Léninegrad). Recueil: «Les monuments du sud de l'Oural et de la Sibérie occidentale à l'époque sarmate». MIA, 153, Moscou, 1972	299
I. G. Khynkou (Kichinev). P. Diaconu, D. Vîlceanu. Păcuiul lui Soarecetatea bizantina. București, 1972	302
L. S. Klein (Léninegrad). L'archéologie et la préhistoire dans le système de I. Rouse	306
L. A. Ivanova (Moscou). G. Acsadi and J. Nemeskeri. History of Human Life Span and Mortality. Budapest, 1970	315

Actualités archeologiques

V. Kh. Tménov et O. V. Tchérépovskaïa (Ordjonikidzé). IV ^e me Conférence consacrée à la mémoire de E. I. Kroupnov	320
<u>C. V. Trever</u>	326

надписи начинается несколько левее первой и над буквой «П» вполне могла поместиться буква «С»⁵. В этом случае вместо «С» должна читаться буква «В». Во второй строке отсутствует левая черта и перекладина буквы «И» (в слове «ПРИШЬЛЬЦА»), лишь частично сохранились е и в (кзиека). Посредине вертикальной черты буквы «Г» (града) копировщик изобразил лишний штрих. Кроме того, отсутствует буква «Г» и зарисована лишь нижняя петля буквы «В» (*своего*), частично сохранился первый «А» в слове «кзъмаза» и «Р» (*чюдотворца*). Предлога «Ѡ» на прориси нет, но контекст подтверждает его восстановление и именно в форме «Ѡ»,

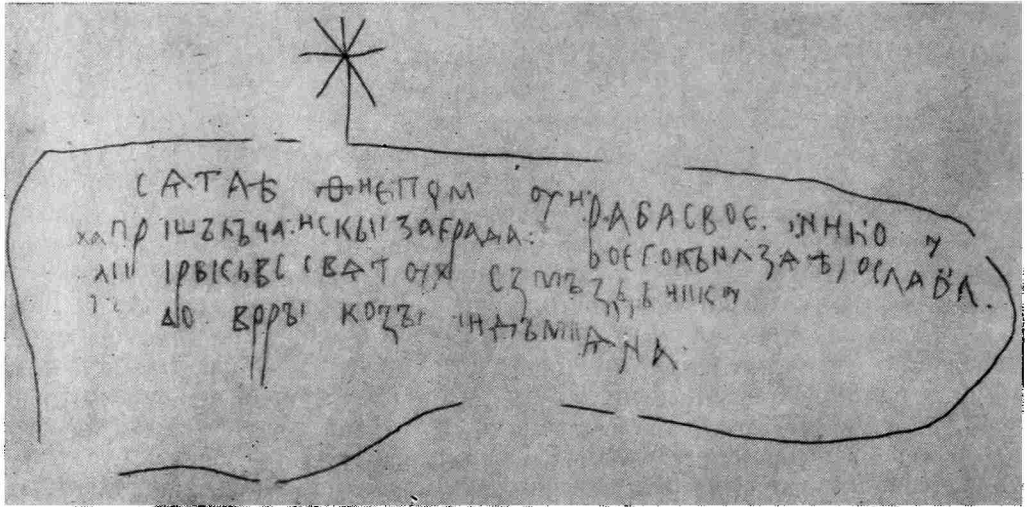

Рис. 1. Запись Николая из новгородского Софийского собора
Фото с кальки из архива В. В. Суслова

так как для «отъ» на прориси места недостаточно. В начале третьей строки на прориси пробел в три или четыре буквы. Буквы «Ѡа» более мелкого масштаба между началом второй и третьей строки, очевидно, к данной надписи отношения не имеют. Затем прорисью фиксируется слово «ЦРЬКВЬ», причем зарисована только правая часть буквы «Ц». Конечная буква в этом слове на прориси выглядит как «С». Это могла быть или буква «е», или «ь». Следующее слово «сѡтоуж» читается полностью. Легко восстанавливается отсутствующее «Б» в последнем слове третьей строки «безмзздннкоу». Между словами «ЦРЬКВЬ» и «сѡтоуж» — небольшой просвет, в котором может поместиться одна буква. В четвертой строке легко читается: «чюдотворци козъми и дзъмѡна»⁶.

Таким образом, в последних двух строках читается:

... (ц)рѡквѣ(ѡ) — сѡтоуж [б]езмзздннкоу
(н) [чю]дотворци(ц)|н| козъ[мзи] и дзъм(н)ѡна

Всю надпись можно понять либо: «Святая Софья, помилуй раба своего Николаю пришельца ис Кыева града от своего князя Ярослава в церковь святых безмездников и чудотворцев Козьмы и Демьяна» или «пришельца...» в эту (или твою) церковь (т. е. Софию), а упоминание святых безмездников Козьмы и Демьяна в таком случае следует отнести ко времени (день святых Козьмы и Демьяна), когда Никола прибыл из Кыева в Софию.

Несомненно, на прориси искажены многие буквы. Но все же сохранились некоторые характерные начертания. Обращает внимание последова-

⁵ Предложено Л. П. Жуковской.

⁶ Буквы «чн» (чюдотворци) и «мз» (козъмзи) реконструированы Л. П. Жуковской

тельное (два раза) употребление «ятя» вместо иотированного «а» (в слове «святая» и в имени «Ярослав»). Это характерно для глаголических и некоторых старославянских памятников X—XI вв.⁷ В древнерусских рукописях такое смещение встречается в Изборниках 1073 и 1076 гг. и в новгородских минеях конца XI в.⁸ В обоих случаях «ятя» не выступает за уровень строки, а коромысло этой буквы лежит значительно ниже этого уровня, что является особенностью рукописей XI в. Болгаризмом является написание «града» и «црькъвь», но окончание «оуж» вместо старославянского «ѡѡ» в слове «святую» — русская особенность. Наличие юса большого датирует надпись XI — первой половиной XII в.⁹ Прорись не по-

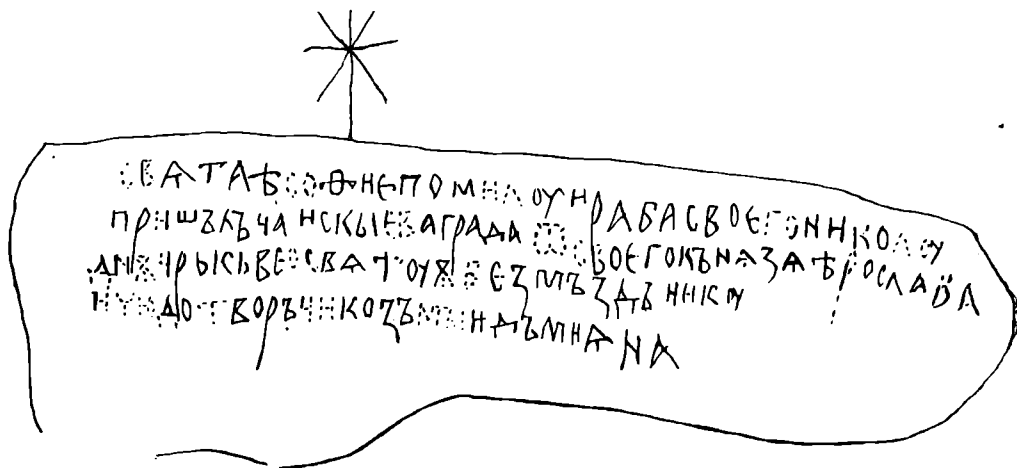

Рис. 2. Запись Николая из новгородского Софийского собора
Прорись и реконструкция

зволяет различать звуки «ъ» и «ь», однако последовательное употребление одного из этих знаков для обозначения сильных и слабых глухих говорит о том, что эти звуки еще не исчезли из речи Николая. Очевидно, Николай употреблял «ъ» для обозначения и «ъ» и «ь». Такое правописание редуцированных в памятниках, отражающих сохранение редуцированных, известно в истории русского языка¹⁰. Особенно показательно сохранение «з» в слове «кѡназа», где «з» имеет тенденцию утрачиваться особенно рано¹¹. В надписи на Тмутараканском камне 1068 г. «з» в этом слове уже отсутствует. Насколько мы можем судить по прориси, «Д» целиком умещается в строке (в двух случаях) и имеет очень маленький основной треугольник, причем в слове «безмезднику» левая линия начинается ниже середины правой, такие формы «Д» свойственны также некоторым древнейшим старославянским памятникам¹². Таким образом, несмотря на то что надпись Николая сохранилась лишь в неточной прориси, ее можно датировать с уверенностью XI в.

На протяжении XI и первой половины XII в. в Киеве был лишь один князь Ярослав — Ярослав Мудрый. Следовательно, в надписи упоминается Ярослав Мудрый и сама надпись Николая датируется промежутком времени от постройки Софийского собора (1050 г.¹³) до смерти Ярослава (20 февраля 1054 г.) т. е. 1050—1054 гг.

⁷ Е. Ф. Карский. Славянская кирилловская палеография. Л., 1928, стр. 205.

⁸ И. И. Срезневский. Славяно-русская палеография. СПб., 1885, стр. 116, 119, 121, 123.

⁹ В. Н. Щепкин. Русская палеография. М., 1970, стр. 112.

¹⁰ Л. П. Жуковская. Новгородские берестяные грамоты. М., 1959, стр. 98, 99.

¹¹ В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. М., 1963, стр. 97, 98.

¹² Е. Ф. Карский. Ук. соч., стр. 183, 184.

¹³ Н1Л, М.—Л., 1950, стр. 181.

Как говорилось выше, пробелы в третьей строке прориси допускают два варианта истолкования надписи: при первом — упоминание Козьмы и Демьяна следует отнести к церкви, куда прибыл Никола. Церковь Козьмы и Демьяна в новгородских летописях упоминается с XII в.: в 1146 г. (на Кузьмодемьянской улице)¹⁴ и с 1271 г. (на Холопьевой улице)¹⁵.

Это не значит, что такой церкви не могло быть раньше. В Никоновской летописи под 6563 г. (1055) в дополнение к обычным сведениям о клевете холопа Дудики на епископа Луку Жидяту имеется следующее сообщение: «... и осуди и митрополит Ефрем по Дудикиным речам и злых его друзей Демьяна и Козьмы клеветам». Под 6565 г. продолжено: «Того же лета епископ Лука Жидята принял престол свой в Новгороде, свою власть, холопу же Дудике оскомины быша, урезаша ему носа и обе рuce отсекоша и побежа в Немцы, сице же и его лукавым советникам, Козме и Демиану, достойное воздаша по злодеянию их»¹⁶. Это дополнение о сообщниках Дудики вызывает сомнение, так как сочетание их имен говорит о смешении с именами святых. Д. С. Лихачев не исключает возможности, что данные сведения Никоновской летописи, восходящие к новгородским летописям, могут быть древними. Он предполагает, что первоначально речь шла о людях из прихода Козьмы и Демьяна¹⁷. Наиболее вероятно, что источником послужило сообщение не о людях из прихода церкви Козьмы и Демьяна, а из причта церкви Козьмы и Демьяна, которые поддержали клевету холопа Луки-Дудики. И в том и в другом случае сообщение Никоновской летописи является косвенным подтверждением существования в Новгороде церкви Козьмы и Демьяна в середине XI в. Следовательно, в надписи могла упоминаться церковь Козьмы и Демьяна. Но вызывает недоумение, почему посланец Ярослава Мудрого прибыл в Новгород в церковь Козьмы и Демьяна и сделал запись об этом на стене храма Софии. Кроме того, при таком варианте прочтения остается незаполненным просвет между словами «церковь» и «святую». По этим же причинам нельзя признать удачным и такой вариант прочтения надписи: не цркѣже скѣтѣужъ безмзздникѣ (из церкви святых безмездников и т. д.)¹⁸. Между словами «цркѣже» и «скѣтѣужъ» может поместиться только одна буква. Естественно предположить, что это предлог «О», употреблявшийся с местным падежом для обозначения времени¹⁹. Более соответствует прориси чтение «ѣ», а не «ь» на конце слова «цркѣже» (см. рис. 2). При такой реконструкции полностью восстанавливается смысл надписи: «Молитва к святой Софии помиловать Николу, пришедшего из Киева, от князя Ярослава в храм Софии „о святую безмезднику и чудотворци Козьмы и Демьяна“». Указание даты события посредством ссылки на день какого-либо святого обычно не только для надписей-граффити, но и для древнерусских летописей. Таким образом, вполне удовлетворительно восстанавливается отсутствующий предлог между словами «церковь» и «святую». Не попавшие на прорись буквы в начале третьей строки восстановить труднее. На прориси в начале строки видны две смыкающиеся под острым углом линии: это могут быть остатки букв «Л», «Д», «У», нижней петли з (л), или нижней части ж. Возможно, здесь следует читать предлог «ДО», т. е. «...пришельца до церкви» (предлог «до» с родительным падежом для обозначения предела движения)²⁰. Но в этом случае между «ДО» и на-

¹⁴ Там же, стр. 27.

¹⁵ Там же, стр. 89.

¹⁶ Никоновская летопись. ПСРЛ, т. IX—X. М., 1965, стр. 91.

¹⁷ Д. С. Лихачев. Комментарии к «Повести временных лет». ПВЛ, т. II. М.—Л., 1955, стр. 390, 391.

¹⁸ К тому же даже поздние источники не сообщают о существовании церкви Козьмы и Демьяна в Киеве.

¹⁹ И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. II. СПб., 1895, стр. 492. «Того же лета о Госпожене дне поиде Витовт с сялюю Лптовскою». — Тверская летопись, 6903 г.

²⁰ В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Ук. соч., стр. 430.

чалом следующего слова «цркъзѣ» образуется разрыв в одну-две буквы, недостаточный, чтобы в нем могло поместиться определение к слову «церковь» — святой, сей, твоей и т. д. По этим же причинам нельзя поместить в начале строки предлог «кз». Если судить по сохранившимся штрихам и смыслу надписи, можно думать, что здесь могло быть написано «днж» — внутрь, внутри²¹. Против этого предложения говорит то обстоятельство, что это слово помещается в данном просвете только в форме «дну», без слабого «з». Очевидно, достоверно восстановить утраченные буквы в данном случае невозможно, тем более что строки могли быть сдвинуты вправо и влево, из-за чего нельзя точно определить количество отсутствующих букв, а остатки букв могли быть зафиксированы прорисью не совсем точно. По смыслу надписи здесь могло быть слово «сѣѣ» — «сѣѣ цркъзѣ» — местный падеж без предлога для обозначения места²² или «днж», или «сѣѣѣ», но смысл надписи от этого не меняется. Упоминание святых Козьмы и Демьяна следует отнести ко времени, когда Никола прибыл в храм Софии: «Святая София, помилуй Николу пришельца из Киева, от своего князя Ярослава к сей (святой или твоей) церкви в день святых безмездников и чудотворцев Козьмы и Демьяна». День этих святых праздновался трижды в году: летом — 1 июля и осенью — 17 октября и 1 ноября²³. Из их практическое значение, по-видимому, имели только два дня — 1 июля, и день памяти — 1 ноября, так как 17 октября центральное место занимало празднование памяти пророка Осии²⁴. Во всяком случае, в новгородской минее 1096 г. под 17 октября помещена только служба пророку Осии²⁵, и в месяцеслове, помещенном в Остромировом евангелии, святые Кузьма и Демьян упомянуты только 1 июля и 1 ноября, а в октябре они упомянуты в общем перечне под 29 числом²⁶. Следовательно, запись Николы была сделана в какой-либо из дней Кузьмы и Демьяна (1 июля или 1 ноября) в течение четырех лет, начиная от окончания строительства Софии (1050 г.) до смерти Ярослава Мудрого (февраль 1054 г.). Скорее всего молитвенная запись, обращенная к святой Софии, могла появиться на стене храма Софии только после его освящения.

Как известно, новгородские летописи единогласно сообщают о закладке Софии под 1045 г., но называют два года освящения храма — 1050 г.²⁷ и 1052 г.²⁸ В. Г. Брюсова высказала предположение, что летописные записи не противоречат друг другу, а отражают сведения о двух церемониях освящения Софийского собора. Первое состоялось 5 августа 1050 г., по окончании строительства (это подтверждается записью в святцах рукописного сборника XVII в.), второе — 13 сентября 1052 г., после завершения отделочных работ по украшению интерьера храма²⁹. Однако устойчивость летописных записей об освящении собора 13(14) сентября, слишком короткий срок окончания строительства, который мы должны признать, если принять за дату освящения Софии 1050 г., свидетельство «Сказания о святой Софии новгородской» — все эти аргументы, приведенные самой В. Г. Брюсовой, говорят об освящении храма в 1052 г.

Даже если предварительное освящение собора состоялось еще 5 августа 1050 г., трудно представить, чтобы Никола начертил молитвенную

²¹ И. И. Срезневский. Ук. соч., т. I. СПб., 1893, стр. 760. «Коиими же ногами походиша по дну храма святого...», «пскаше дну внити...»

²² В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Ук. соч., стр. 442.

²³ Дм. Вершинский. Месяцеслов православно-кафолической церкви. СПб., 1856, стр. 266.

²⁴ Там же.

²⁵ И. В. Ягич. Службные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь. СПб., 1886.

²⁶ А. Х. Востоков. Остромирово евангелие 1056—1057 гг. СПб., 1843. лл. 281 об., 239 об., 231 об.

²⁷ Н1Л, стр. 16, 181.

²⁸ НЗЛ, СПб., 1879, стр. 180.

²⁹ В. Г. Брюсова. О времени освящения Новгородской Софии. В сб. «Культура средневековой Руси». Л., 1974, стр. 113.

запись, обращенную к святой Софии, на стене храма, в котором шли отделочные работы. Следовательно, наиболее вероятные даты появления надписи Николы: 1 ноября 6560 (1052 г.); 1 июля и 1 ноября 6561 (1053 г.); 1 июля и 1 ноября 6560 (1054 г.).

Раскрыв смысл уникальной надписи, можно датировать ее еще точнее. Обращает внимание желание Николы подчеркнуть связь своей миссии с новгородским Софийским собором: надпись обращена к св. Софии и начерчена на стене храма Софии. Автор последовательно строит фазу: за молитвенной формулой называет себя (Никола), затем указывает, откуда он прибыл (из Киева), от кого (князя Ярослава), куда (в церковь Софии) и когда (в день святых Козьмы и Демьяна). Отсюда легко заключить, что целью путешествия Николы в первую очередь был Софийский собор и он пунктуально зафиксировал день своего появления в нем. Но «пришелец» из Киева не забыл упомянуть и пославшего его князя Ярослава. Если бы автор надписи по собственной воле посетил Новгород и из благочестивых побуждений нацарапал на стене недавно отстроенного собора молитвенную запись, во всех отмеченных подробностях не было бы смысла. Автограф Николы выходит за рамки хорошо известных молитвенных надписей: «Господи, помоги рабу своему...» — или еще короче «Писал такой-то». Содержащие его напоминают краткий отчет об исполненном долге. Заметим также, что Никола — человек светский, иначе бы он рядом с именем великого князя назвал и киевского митрополита.

Какие же события могли потребовать постоянного присутствия личного представителя Ярослава Мудрого в новгородском Софийском соборе? Во-первых, праздник освящения самого храма, построенного, согласно летописи, «повелением князя Ярослава и сына его Володимира»³⁰. Однако ни одна из двух возможных дат освящения собора (5 августа 1050 г. и 13 сентября 1052 г.) никак не соответствует дню записи Николы. Во-вторых, такой случай мог иметь место во время провозглашения нового князя или поставления епископа. Но и новгородский князь Владимир Ярославич, и епископ Лука Жидята получили свои столы в Новгороде еще в 1036 г.³¹ А другие представители высшей светской и церковной администрации, по данным летописи, появляются в городе уже после смерти Ярослава Мудрого. Наконец, присутствие в Софийском храме посланца Киева легко объяснить участием в церемониях по поводу важных событий в жизни княжеской семьи. В церкви венчали, крестили и хоронили ее членов. Естественно, что киевский князь, верховный сюзерен и отец новгородского князя, не оставался в стороне от подобных дел.

Однако два первых предположения (свадьба и крестины) отпадают по общей причине. Единственный сын княжившего в Новгороде Владимира — Ростислав впервые упомянут на страницах «Повести временных лет» в 1064 г. как вполне зрелый и самостоятельный человек³². В этом году он бежит в Тмутаракань, выгоняет оттуда Глеба Святославича, вновь уступает ему город и затем опять прогоняет незадачливого двоюродного брата. Более того, к 1066 в. у Ростислава было уже три сына — Рюрик, Володарь и Василько. Значит, и свадьба его отца Владимира, и рождение самого Ростислава произошли до 1050 г. (древнейшая из всех возможных дат надписи Николы), так как все сказанное несовместимо с представлением о четырнадцатилетнем (к 1064 г.) возрасте княжича³³.

³⁰ НЛЛ, стр. 181.

³¹ ПВЛ, М., 1950, ч. I, стр. 101.

³² Там же.

³³ Теоретически можно думать, что Никола прибыл в Новгород на свадьбу старшего внука киевского князя. Биография Ростислава Владимировича восстанавливается с трудом. (Подробнее см. А. В. Куза. Кто был наследником Остромира в Новгороде? «Славяне и Русь». М., 1968, стр. 301—304). Приняв эту точку зрения, придется признать, что отец Ростислава Владимир (род. в 1020 г.) женился совсем ребенком 10—12 лет; почти тотчас же у него родился сын, в свою очередь венчавшийся маль-

Остается проверить, не была ли миссия Николы обусловлена неожиданными и печальными обстоятельствами. В связи с этим привлекают внимание два сообщения летописей. Под 1050 г. говорится о смерти в Новгороде жены Ярослава, матери Владимира — знаменитой Ирины-Инггерды³⁴. Ее хоронили в Софийском соборе, и гроб княгини чтли еще и в XV в.³⁵ Но день смерти Ирины — 10 февраля, сохранившийся в ряде новгородских летописей³⁶, никак не согласуется с любым из двух возможных дней прибытия Николы.

Зато второе известие, датированное 1052 г. (6660): «Месяца октября въ 4 день, в неделю, преставися Володимиръ, сынъ Ярославль, старейшии в Новгороде; положиша и в Новегороде въ святеи Софеи, юже бе создалъ самъ», — многое проясняет³⁷. Если Никола прибыл в Новгородскую Софию 1 ноября 1052 г., то это случилось спустя четыре недели после смерти Владимира. Расстояние от Киева до Новгорода по прямой составляет около 1000 км. Сухопутными дорогами оно на 200—300 км больше. Гонцы с печальным известием, меняя лошадей во встречаемых городах и погостах, должны были преодолеть его за 10—12 дней. Получив срочную весть, престарелый Ярослав, конечно, тут же снарядил в дорогу своего посла. Ведь речь шла не только о родительском долге — почтить память умершего старшего сына и наследника. Безвременная смерть молодого князя в далеком Новгороде оставляла этот важный политический и экономический центр древней Руси без великокняжеского присмотра. А строптивый нрав и сепаратистские тенденции могущественного новгородского боярства были слишком хорошо известны Ярославу.

Вот почему спешил Никола — он потратил на трудную дорогу в осеннюю распутицу немногим более двух недель (если только не выехал в Новгород с известием о болезни Владимира). Вот почему он постарался точно зафиксировать день своего прибытия; никто уже не мог обвинить его в преступной медлительности.

Сложная обстановка в городе, необходимость быстрых решений, печаль по поводу смерти Владимира объясняют пессимистические нотки («пришелец») в записи Николы. Становится понятным наличие в надписи лишь указания, куда и по чьему поручению прибыл посланник Киева, без разъяснения к кому. Новгородский князь был мертв. День похорон Владимира неизвестен. В Новгороде, надо полагать, ждали на этот счет распоряжений Ярослава (еще одна причина спешки). По-видимому, официальное погребение тела Владимира состоялось после приезда Николы.

Таким образом, методом исключения исследуемое граффити почти безусловно датируется 1 ноября 1052 г. Иные варианты датировки не получают сколько-нибудь удовлетворительного объяснения.

Теперь необходимо установить личность «пришельца». Из надписи ясно лишь одно, что он киевлянин и близкий к великому князю человек. Церковнославянизмы и некоторые графические особенности надписи, находящие аналогии в южнославянских памятниках, по-видимому, свидетельствуют об образованности Николы. Христианское имя Николай, переданное в форме «Никола», также говорит о южнорусских особенностях его речи (для новгородца характерно написание «Микула») ³⁸. К сожалению, письменные источники почти не сохранили имен большинства действующих лиц русской истории древнейшей поры. Николаем в крещении

чиком 7—9 лет. Каждое из этих событий — вероятное в отдельности — вместе опровергает возможность сделанного допущения.

³⁴ Н1Л, стр. 181; ПВЛ, ч. I, стр. 404; ч. II, стр. 382, 383.

³⁵ Н1Л, стр. 420.

³⁶ ПСРЛ, т. V. СПб., 1851, стр. 138.

³⁷ Н1Л, стр. 16, 181.

³⁸ Н. М. Петровский. О новгородских «словенах». Известия отделения русского языка и словесности, 1920, т. 25, стр. 376.

звали четвертого сына Ярослава — Святослава³⁹. Но он должен был написать «от отца своего», а не «от князя». Следовательно, предположение о княжеском происхождении Николы не соответствует действительности. Приходится искать его среди ближних бояр Ярослава, нам мало известных.

По-видимому, окончательно отождествить Николу с одним из «добрых мужей» середины XI в. нельзя. Однако попытка сделать это с определенной долей вероятности не представляется бесплодной.

На страницах «Повести временных лет» несколько раз встречается имя Микулы (Николая) Чудина⁴⁰. У него был двор в древней части Киева, на горе. Его брат Туки вместе с князьями Изяславом и Всеволодом стоял на сених во время Киевского восстания 1068 г. Сам Чудин в 1072 г. держал Вышгород и присутствовал на торжествах перенесения мощей святых Бориса и Глеба. Правда, здесь он везде назван своим этническим прозвищем Чудин. Но в заголовке Краткой редакции «Русской правды» — правды Ярославичей его поименовали полностью — «Чудинъ Микула»⁴¹.

Сведения источников не оставляют сомнений — Чудин, владелец двора в Киеве, участник княжеских съездов, правитель второго по значению города Киевской земли, один из авторов сурового феодального свода законов Руси, — лицо значительное, хорошо всем известное, ближайший советник великих киевских князей. Именно такому человеку Ярослав мог дать важное поручение в Новгород. Тем более, судя по имени, Чудин или его предки были выходцами из новгородских земель. Смущает другое. Летопись упоминает Чудина в 60-х — 70-х годах XI в.⁴² Создается впечатление, что деятельность этого знатного боярина широко развернулась в указанные годы и был он приближенным Изяслава, а не его отца Ярослава⁴³.

Рассмотрим вновь данные летописи. О самом Чудине последний раз говорится под 1072 г. Причем текст этот сохранился и в «Новгородской первой летописи младшего извода», отразившей более древний, чем «Повесть», свод 90-х годов XI в. Про Чудина его автор писал в прошедшем времени: «Бе тогда Вышегород держа Чудинъ»⁴⁴. Другими словами, ко времени составления свода Чудина в Вышгороде не было и, вероятно, его уже не было и в живых. Ведь в 1113 г. на совещании, созванном на Берестовом Владимиром Мономахом, присутствовал Иванко Чудинович, Ольгов муж⁴⁵. Есть все основания считать его сыном Чудина, но прямо он так не назван. Это указывает на то, что отец Ивана давно умер, а сын сам стал важным сановником, представляющим своего князя при решении больших государственных дел.

В 1078 г. в битве с половцами на Сожице погиб боярин Туки⁴⁶. И здесь, и в описании событий 1068 г. летописец именует его братом Чудина. Опять перед нами яркое подтверждение знатности Чудина, прекрасно знакомого современникам. Туки менее известен, и его принадлежность к феодальным верхам определяется прямым родством с Чудиным. Отсюда ясно, что последний и значительнее, и старше первого. Это хотя и косвенное, но достаточно убедительное свидетельство возможности появления Чудина на государственном поприще в эпоху, более раннюю, чем 60-е годы XI столетия.

³⁹ Р. Вл. Зотов. О черниговских князьях по Любецкому синодику и о черниговском княжестве в татарское время. СПб., 1892, стр. 33.

⁴⁰ ПВЛ, ч. I, стр. 40, 114, 121, 132.

⁴¹ Н1Л, стр. 177.

⁴² См. М. К. Каргер. К характеристике древнерусского летописца. ТОДРЛ, XI, М.—Л. 1955.

⁴³ Именно так думает А. В. Поппэ (см. его статью «Родословная Мстислава Свенельдяча». Сб. «Летописи и хроники». М., 1974, стр. 79, 80).

⁴⁴ Н1Л, стр. 197. См. также ПВЛ, ч. II, стр. 406, 407.

⁴⁵ См. Устав Владимира Мономаха в составе Пространной редакции «Русской правды».

⁴⁶ ПВЛ, ч. I, стр. 132.

Подтвердить высказанное предположение помогает анализ вводной части Краткой редакции «Русской правды» — Устава Ярославичей. Обычно исследователи приурочивают ее кодификацию к Княжескому съезду 1072 г. в Вышгороде⁴⁷. Действительно, в пользу такого решения говорят несколько существенных обстоятельств. По крайней мере четверо (Изяслав, Святослав, Всеволод и Чудин) из авторов нового «закона» достоверно присутствовали на съезде.

Народные волнения, охватившие Русь в конце 60-х — начале 70-х годов XI в., также требовали от господствующего класса пересмотра действующего законодательства. Поэтому представляется вполне уместным, что «церковное торжество могло быть связано с разрешением чисто политических вопросов»⁴⁸. Однако другие ученые не менее обоснованно полагают, что Устав Ярославичей создавался до бурных событий 1068 г.⁴⁹ Ведь в нем не нашли никакого отражения изгнание князя, разграбление княжеской казны, разгром тюрем; не упомянуты волхвы, будоражившие тогда простой народ.

Если под этим углом зрения взглянуть на перечень авторов Устава, отпадут многие сомнения. Кроме трех старших сыновей Ярослава рядом с ними упомянуты имена четырех бояр — Коснячка, Перенега, Микифора Киянина и Чудина Микулы. Имена трех из них (Коснячко, Никифор, Чудин) встречены и в летописи. Они владели дворами в Киеве и, следовательно, были боярами киевскими⁵⁰.

Чем же обусловлено такое внушительное представительство Киева? Вряд ли это объясняется фактом наибольшей заинтересованности, поскольку именно киевские феодалы пострадали в первую очередь во время восстания 1068 г. Ведь после не менее грозного выступления народных масс в 1113 г. Владимир Мономах созвал на совет представителей и Киева, и Белгорода, и Переяславля, и Чернигова. В рассказе о торжествах в Вышгороде в 1072 г. прямо сказано, что «обедаша братья на скупь, каждо с бояры своими»⁵¹.

Действительно, за 18 лет самостоятельного княжения у Ярославичей должны были на местах появиться собственные бояре, а в составлении «Правды» участвуют лишь киевляне. Число бояр — авторов кодекса — вызывало недоумение уже в XII в. Так, в заголовке Пространной редакции «Русской правды» выпало имя Чудина и количество советников-бояр согласовано с количеством князей-законодателей. «По Ярославе же паки собрашася сынови его... и мужи их». Значительно, что позднейшие сводчики видели в этих боярах мужей всех трех князей, хотя в действительности они являлись дружинниками только киевского князя. Странное впечатление в подборе авторов Устава усиливается от сравнения его с составом представителей церкви, присутствовавших при перенесении мощей Бориса и Глеба в Вышгороде в 1072 г. Помимо митрополита Георг-

---

⁴⁷ М. Н. Тихомиров. Исследование о «Русской правде». Происхождение текстов. М.—Л., 1941, стр. 62—70; С. В. Юшков. «Русская правда». Происхождение, источники, ее значение. М., 1950, стр. 293—303; Л. В. Черепнин. Общественно-политические отношения в древней Руси и «Русская правда». В кн. А. П. Новосельцев, В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнин, В. П. Шушарин, Я. Н. Шапов. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, стр. 185, 186.

⁴⁸ М. Н. Тихомиров. Ук. соч., стр. 64, 65.

⁴⁹ А. А. Зимин. К истории текста Краткой редакции «Русской правды». Тр. Моск. гос. историко-архивного ин-та, т. 7, М., 1954; стр. 183—195; его же. Холопы на Руси, М., 1973, стр. 3, примечание 2, стр. 151—154; Б. А. Рыбаков. Первые века русской истории. М., 1964, стр. 105. Мнение А. А. Зимина представляется хорошо обоснованным. Можно лишь уточнить сроки кодификации Устава — не между 1036 и 1054 гг., а в промежутке между 1052 и 1054 гг. (скорее всего после смерти Ярослава. Ведь среди законодателей нет Владимира — старшего сына и наследника Ярослава Мудрого, он умер в 1052 г.).

⁵⁰ ПВЛ, ч. I, стр. 40, 114.

⁵¹ ПВЛ, ч. I, стр. 121.

гия там были епископы Переяславский, Черниговский, Белгородский, Юрьевский и игумены многих монастырей.

Возникшие недоумения исчезнут, если согласиться с мнением исследователей, относящих время составления Устава Ярославичей к ближним годам после смерти Ярослава. Сам факт совещания братьев-триумвиров в 1054 г. или несколько позднее, кажется, не вызывает сомнений⁵². Им необходимо было решить ряд существенных вопросов, связанных с новым порядком управления Русской землей и разделом владений. Кто же должен был гарантировать претворение в жизнь и дальнейшее соблюдение принятых решений? Летописи дают однозначный ответ: бояре, старшая дружина. Сподвижники Ярослава, его ближайшие советники, верхушка влиятельного киевского боярства — вот естественные наставники и блюстители согласованных действий молодых князей. Именно в их присутствии надлежало заключать ряд о Русской земле. Так предлагали поступить Олегу Святославичу в 1096 г. Святополк и Владимир: «Поиди к Киеву, да порядь положимь о Русьтей земли перед епископы, и перед игумены, и перед мужи отец наших»⁵³.

Теперь понятно, почему в древнейших списках Правды Ярославичей авторы не княжеского происхождения никак не отделены от составителей-князей; они мужи Ярослава, вторая равноправная сторона, располагавшая в тот момент реальной властью и силой.

Несколько мелких фактов подкрепляют сделанный вывод. Летописи не знают Перегега. Вероятно, он сошел с политической сцены, так же как Никифор Киянин, вскоре после утверждения «Правды». Появление Коснячка во главе княжеской администрации после 1068 г. маловероятно. Ведь против него прежде всего был направлен гнев киевлян, его двор подвергся разграблению. Вряд ли Изяслав, лишь с помощью поляков вернувшийся в столицу, вновь навязал народу потерявшего популярность воеводу. Наконец, уже с конца 70-х годов киевские летописцы перестают упоминать наших героев, и их вниманием пользуются другие лица: Ратибор, Ян и Путята Вышатичи, начало деятельности которых приходится на рубеж 60-х — 70-х годов XI в.

Развернутый экскурс о времени составления первого Устава Ярославичей помимо самостоятельного значения важен для решения трудного вопроса о личности Микулы (Никола) Чудина. Обнаружив его в числе ближайших бояр Ярослава Мудрого, мы можем с большой долей вероятности адресовать ему интереснейшую надпись «пришельца из Киева града» в новгородском Софийском соборе.

Предложенная интерпретация этого граффити проливает свет на один из самых затемненных периодов истории Новгорода. До сих пор оставалось загадкой: кто управлял вторым центром Руси после смерти Владимира? Согласно летописи и приписке к Остромирову евангелию, с 1054—1055 гг. Изяслав Ярославич «поручил» Новгород «своему близоку», посаднику Остромиру. Теперь есть основания считать, что до этого момента новгородскими делами ведал Никола Чудин. Попытки «посадить» в Новгород в период между 1052 и 1054 гг. кого-либо из князей опровергаются уже упомянутой припиской Остромира, свидетельствующей, что между Владимиром и Изяславом в городе других князей не было.

Весть о смерти Ярослава призвала Чудина обратно в Киев, где он участвовал в совещании князей, вместе с ними «делил» Русскую землю и провозгласил новый кодекс. Поэтому Изяслав, получив киевский стол и «урядившись» с братьями, немедленно отправился в Новгород, вновь лишившийся княжеской администрации, и назначил посадником Остромира — представителя местного боярства и своего родственника.

⁵² Л. В. Черепнин. Ук. соч., стр. 169—175.

⁵³ ПВЛ, ч. I, стр. 170.

⁵⁴ Микулой Чудин назван в Новгородских списках Правды Ярославичей. Там же Никифор Киянин именуется Микифором.

Конечно, цепь рассуждений и выводов, исходным пунктом которой послужила надпись Николы, не является бесспорной. Ее отдельные звенья трудно аргументировать. Тождество «Николы пришельца» и Николы Чудина лишь предполагается. Однако изложенный вариант расшифровки и исторического осмысления данной записи в силу указанных соображений имеет право на существование.

A. V. Kouza, A. A. Medyntseva

L'INSCRIPTION DE NIKOLA
DANS LA CATHEDRALE SAINTE-SOPHIE A NOVGOROD

Résumé

Cet article est un essai de rétablir et d'interpréter historiquement l'inscription de Nikola tracée sur un mur de la cathédrale Sainte — Sophie, à Novgorod. Selon les données paléographiques et les mentions qui y sont faites du prince de Kiev Iaroslav le Sage, le graffiti ne peut être postérieur à 1054. Rien que ce fait met cette inscription au nombre des plus anciens et intéressants monuments des lettres russes. Le rétablissement des caractères disparus du graffiti ne révèle pas seulement son contenu, mais permet de rapprocher l'autographe de Nikola des événements qui ont suivi la mort du prince de Novgorod Vladimir Iaroslavitch, en 1052. Certaines observations secondaires permettent de supposer que l'auteur de cette curieuse inscription est le célèbre boyard de Kiev, Mikoula Tchoudine.